

СЕРГЕЙ ЖОГОЛЬ

**ПРОЩАНИЕ С БРОНЗОВЫМ
ИСПОЛИНОМ**

Сергей Жоголь

**Прощание с Бронзовым
Исполином. Рассказ**

«Издательские решения»

Жоголь С.

Прощание с Бронзовым Исполином. Рассказ / С. Жоголь —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902861-7

«...Кто ж он таков-то? — произнёс рекрут, стуча зубами, когда ночной гость исчез. От костра полыхало жаром, так что трясся молодой солдат явно не от холода.— Ангел это. Много их теперь по земле нашей бродит, в боях убиенных и без молитвы захороненных...»Рассказ является призёром литературного конкурса «Белая скрижаль».

ISBN 978-5-44-902861-7

© Жоголь С.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Прощание с Бронзовым Исполином

Рассказ

Сергей Жоголь

© Сергей Жоголь, 2018

ISBN 978-5-4490-2861-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Пожухлая листва, сорванная ветром за ночь, сокрыла от взоров Малашьев луг. Ещё вчера он походил на огромную бурую лужу, а сегодня осень спрятала его грязную наготу под разноцветным пёстрым ковром. Лишь дорога осталась нетронутой. Взрытая колёсами возов и телег, избитая лошадиными подковами и ногами прихожан, тропа, ведущая к храму, напоминала кисельный ручей, тянувшийся от церковных ворот до высунувшегося из низины лесочка. Сам же луг уже не выглядел так уныло, да и поникшие останки растений, торчащие из-под опавшей листвы растрёпанными вениками, всё ещё напоминали, что когда-то здесь было покрытое цветами и сочной травой поле. Всё приходит и уходит, зелень увядает, и природа расстаётся с ней, как душа прощается с тем, что ещё вчера казалось вечным и неприкосновенным.

Обдуваемый порывами ветра, Григорий стоял на верхнем ярусе храма, прислонившись к сырой стене. Капли пота, стекавшие на лоб, струились по бровям, зависали на ресницах и высыхали, не успев добежать до щёк. Лицо звонаря, вытянутое и худое, горело густым румянцем. Осень лютовала. Ветер гнал по небу тучи, пробирал до костей. Но, несмотря на это, Гришку так и распирало. Потёртый тулупчик, который он давеча накинул, висел на покатых плечах, ряса распахнулась на груди, шапка слезла на затылок, отчего русский с рыжиной клок волос задорно высунулся и торчал, гадко щекоча ухо. Григорий поежился, глубоко затянулся холодным воздухом и посмотрел вверх. Высоко-высоко, под самыми тучами, маячили чёрные точки.

– Бесовы птахи! Ишь, раскаркались, тоже чувствуют беду, – пробубнил звонарь и погрозил кулаком носимой потоками воздуха вороньей стае. – Неймётся вам! А с чего бы? Не у вас добро крадут, у храма!

Вдалеке, среди остатков тумана, показались всадники. Гришка вздрогнул, сжал висящий на груди крестик так, что пальцы побелели.

Одна. Две. Три. Четыре фигуры!

Все четверо конные, движутся быстро. Ни ветер, ни дорожная грязь им нипочём.

– Ну, вот и всё, не услышал Господь мои молитвы. Явились супостаты! Последняя надежда пропала!

Григорий поднёс к губам нательный крест и нежно поцеловал. Засунув медную святыньку за отворот рясы, пономарь¹ подошёл к своему любимцу. Скинув на пол рукавицы, Гриша бережно, чуть касаясь, обнял колокол. Звонкоголосый исполин молчал, застыв от ожидания. Мужчина потянулся, уцепился рукой за канат, расставил ноги, приосанился и потянул. Великан вздрогнул, затрепетал и начал раскачиваться.

¹ Пономарь – служитель православной Церкви, в чьи обязанности входило звонить в колокола, петь на клиросе и прислуживать при богослужении.

Звон старого колокола переполошил всё село. Люди замерли, услышав вымученные, точно летящие из души самого звонаря гулкие звуки. Не все знали, почему колокол загудел в неурочный час. Многие удивились, но нашлись и такие, а их было немало, кто понимал, в чём дело. А правда была такова: государь подписал указ «Об изымании четвёртой части колоколов государства Российского, переплавке их, и отливке из полученного металла пушек и мортир, для будущих баталий».

Конная четвёрка приближалась. Посланники царя ещё не знали, что именно из-за их приезда начался этот перезвон. Старенький сельский колокол, местами покрытый зелёной плесенью, угрюмый и властный, за долгие годы трудов не утратил своей благозвучной святости.

Он пел! Пел в последний раз! Пел так, как поют воины, идущие ровным строем в свой последний, смертельный бой!

2

Отца своего, из стрельцов, он не видал отроду. Мать сказывала, что под Корсунью его убило, ещё в Польскую². Саму же мать вспоминал часто, представилась она, когда Грише исполнилось пять. Особенно часто возникали в голове события, связанные с её кончиной. Лицо бледное, землистое, усыпанное гнойной сыпью, необычно тощие пальцы с потрескавшимися ногтями. Они торчали из-под покрытой бурыми пятнами перины, которой укрывали больную, то и дело шевелились, точно лапы здорового паука. Сельский доктор-костоправ тогда долго охал и качал головой, навещая бьющуюся в судорогах женщину. По истечении двух недель незадачливый эскулап махнул рукой, собрал свои порошки да склянки с микстурами и многозначно заявил:

– Что смог, я сделал. Теперь остаётся ждать, да уповать на Господа.

Черная оспа в России тогда только появлялась.

Мать схоронили на маленьком сельском кладбище за храмом. Гриша помнил, как плёлся за санями, на которых везли тело, как падал снежок, как причитали соседские бабы, не от горя, а так, для общего порядку. Местный поп прочёл молитву, помахал кадилом и, подобрав рясу, поспешил с кладбища. Мороз стоял нешуточный. Вслед за священнослужителем поплелись и остальные. Гриша, словно не замечал того, что происходило вокруг. Кутаясь в тулуп, мальчик хныкал и потирал замёрзший нос рукавицей.

– Ну, полно, малой, пойдём, – на плечо легла тяжёлая рука. – Негоже и тебе хворь какую поймать, февраль на дворе.

Крепкого вида бородатый мужик, в ладном зипуне и сшитой из добротного чёрного бархата шапке-скуфье³, глядел сверху вниз, то на осиротевшего ребёнка, то на вновь возведённую могилу. Гришка огляделся. На кладбище, кроме него и рослого незнакомца, никого не осталось. Лишь парочка ворон, пристроившись на качаемой ветром берёзе, наблюдала за происходящим.

– Ты меня не бойсь, – незнакомец улыбнулся.

Улыбка не внушила Гришке доверия. Он отступил, попятился, едва не встав в рыхлую землю, которой только что засыпали могилу. Мужчина ухватил мальчика за рукав:

– Ну, чего ты? Говорю же, не съем!

Гришка заорал и завалился на снег:

– Пусти!!! Ма-а-а-ма!!!

Незнакомец держал крепко. Он нахмурился и, дёрнув за руку, поставил паренька на ноги. Гришка прикрыл голову рукой, но бородатый, глядя на это, лишь покачал головой. Покричав

² Русско-польская война (1654—1667) – война с Речью Посполитой за западнорусские земли.

³ Скуфья – повседневный головной убор православного духовенства.

ещё, но уже больше для виду, Гришка притих. Мужик присел на корточки и начал стряхивать с тулупчика снег.

– Не придёт твоя мамка. Она теперь с ангелами общается.

Впервые за время похорон, Гриша разрыдался по-настоящему. Он орал так громко, что сидящие на ветвях вороны разразились негодующим карканьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.